

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519

Научная статья / Research article

Латинская Америка: от «Вашингтонского» к «Корнуоллскому консенсусу»

Ю.Н. Мосейкин¹ , Э. Охеда Кальюни² , М.Н. Мосейкина¹

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² Технический университет Оруро, Оруро, Боливия

 moseykin-yun@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются предложения «Корнуоллского консенсуса» в контексте их возможной реализации в странах Латинской Америки. Выдвигается тезис о том, что эти предложения могли бы способствовать выработке новой стратегии экономического развития взамен экономической политики, применяемой под влиянием «Вашингтонского консенсуса» и попыток реализации альтернативных экономических моделей постлиберального периода. Отмечается, что в ближайшем будущем предложения «Корнуоллского консенсуса» имеют шанс стать доминирующими в формировании глобальной повестки формулирования новой экономической парадигмы. Однако авторы подчеркивают, что на сегодняшний день существуют также «Пекинский» и «Делийский» консенсусы, отражающие китайскую и индийскую модели либерализации экономик. Дается оценка корректировочным механизмам, основанным на рекомендациях «Вашингтонского консенсуса», проводится сравнительный анализ эволюции экономик стран Латинской Америки, имевших как открытый, так и этатистский характер. Рассмотрены альтернативные варианты моделей, возникших в Латинской Америке на постнеолиберальной стадии развития. Предложения «Корнуоллского консенсуса» рассматриваются с позиции их возможной применимости в Латиноамериканском регионе. Анализируются основные тезисы «Корнуоллского консенсуса» и формулируются некоторые методы адаптации Латинской Америки к предложениям нового консенсуса с учетом имеющегося у стран региона опыта реализации модели развития, предложенной в рамках «Вашингтонского консенсуса», а также его последствий и существующих альтернатив в виде построений постнеолиберального периода. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на адаптивность латиноамериканских экономик, сохраняются сомнения по поводу того, смогут ли предложения «Корнуоллского консенсуса» способствовать реанимации политики экономического роста в регионе, направленной на формирование нового типа «государства социального благосостояния». В результате проведенного исследования авторами был сделан вывод, что предложения «Корнуоллского консенсуса» могли бы способствовать выработке новой политики в области экономического развития, поскольку представляется, что «государство всеобщего благосостояния» в его латиноамериканской версии исчерпало себя.

Ключевые слова: Латинская Америка, Вашингтонский консенсус, Корнуоллский консенсус, неолиберализм, государство всеобщего благосостояния

© Мосейкин Ю.Н., Охеда Кальюни Э., Мосейкина М.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Мосейкин Ю. Н., Охеда Кальюни Э., Мосейкина М. Н. Латинская Америка: от «Вашингтонского» к «Корнуоллскому консенсусу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 506—519. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519>

Latin America: From the “Washington” to the “Cornwall Consensus”

Yury N. Moseykin¹ , Elvis Ojeda Calluni² , Marina N. Moseykina¹

¹ Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

² Oruro Technical University, Oruro, Bolivia

moseykin-yun@rudn.ru

Abstract. The research examines the proposals of the “Cornwall Consensus” in the context of their possible application in Latin America. The authors argue that these proposals could contribute to the development of a new economic development strategy for the post-liberal period. It is likely that the “Cornwall Consensus” proposals become dominant in shaping the global agenda on the new economic paradigm. Although it is important to mention that nowadays there also also “Beijing” and “Delhi” consensuses those are linked to the Chinese and Indian models of economic liberalization and constitute an alternative to the “Washington Consensus”. The article analyzes the effectiveness of the “Washington Consensus” adjustment mechanism, carries out a comparative analysis of the Latin American economies that pursued both liberal and statist development models. Then the article examines the main recommendations and ideas of the “Cornwall Consensus”, the prospects of adapting the Latin American region to the proposals of a new development model against the background of existing experience in implementing the recommendations of the “Washington Consensus”, its consequences and existing “post-neoliberal” alternatives. The authors conclude that, despite the adaptability of the Latin American economies, the question remains whether the proposals of the “Cornwall Consensus” can contribute to the revival of the development policy in Latin America aimed at creating a new type of “welfare state”? The study concludes that the proposals of the “Cornwall Consensus” could contribute to the formulation of a new development policy, since the “welfare state” in its Latin American version, regardless of whether “neoliberal” or “progressive”, has exhausted itself.

Key words: Latin America, Washington Consensus, Cornwall Consensus, neoliberalism, welfare state

For citation: Moseykin, Yu. N., Ojeda Calluni, E., & Moseykina, M. N. (2022). Latin America: From the “Washington” to the “Cornwall consensus”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(3), 506—519. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519>

Введение

«Вашингтонский консенсус» был сформулирован для стран Латинской Америки как декалог политики, направленной на либерализацию и обеспечение макроэкономической стабильности, что должно было способствовать разрешению кризиса 1970—1980-х гг. в условиях бюджетного дефицита. Этот набор политических рекомендаций и основанная на них политика позволили странам региона стабилизировать экономику и сориентировать рынки на конкуренцию в глобальной экономике (Williamson, 1990). Однако спустя 40 лет после начала реализации этой повестки масштабные реформы подходят к концу, а их эффекты исчерпываются. Все более острыми становятся такие проблемы, как рост неравенства, климатический кризис, ограниченность

возможностей частного сектора и государства реагировать на неотложные вызовы, особенно высветившиеся на фоне пандемии. Переломным моментом, спровоцировавшим недовольство и разочарование результатами «неолиберальной» политики, стало резкое снижение политической поддержки процессов структурных реформ в странах региона (Ананьин, Хаиткулов, Шестаков, 2010).

Хотя для Латинской Америки характерны разные политические, экономические, социальные и культурные реалии, авторам удалось выявить некоторые общие моменты экономической политики и роли государственного вмешательства в функционирование рыночного механизма. Страны региона следовали схожей парадигме в отношении государственного вмешательства, по-своему стремясь построить

«государство всеобщего благосостояния» (*welfare state*). Реальность показывает, что существующая модель, движимая в латиноамериканской версии этатизмом в двух его вариантах (либеральном и популистском), исчерпывает себя. Это позволяет говорить о том, что предложения «Корнуоллского консенсуса» выступают в качестве новой экономической парадигмы, которая может стать ведущей в глобальных дебатах на десятилетия вперед. В связи с этим возникает идея о продвижении нового международного «общественного договора», который может способствовать активизации роли государства в экономике, большему вниманию к реализации социальных целей развития, достижению солидарности в международном масштабе и реформированию мирового порядка в интересах всеобщего блага, к чему и призывает группа экспертов в своем докладе для лидеров Группы семи (G7)¹.

Очевидно, что реакция латиноамериканских стран на новые предложения (в том числе в области структуры финансирования государственных расходов), содержащиеся в «Корнуоллском консенсусе», различна и варьируется от позитивных ожиданий в отношении функционирования рынка с сильной ролью государства до ожиданий «левых», надеющихся в «государственнических» предложениях «Корнуоллского консенсуса» найти новое знамя политической борьбы.

Существенное влияние на выбор пути развития странами Латинской Америки оказывают многочисленные незападные теории, имеющие зачастую неомарксистские корни (*Postdevelopment in Practice...*, 2019). Широкая палитра этих теорий приведена в работе Д.А. Дегтерева, который отмечает, что возможность выработки подлинно национальных подходов к проблемам развития ограничена в странах западного ареала настолько, что даже такой критик постдевелопментализма, как А. Эскобар, «указывает на монополизацию западным дискурсом самих понятий “развитие” и “теория развития”» (Дегтерев, 2021. с. 119). Подобные альтернативные (или социалистические) модели, реализованные в

регионе под влиянием «левых», показали, что системы социального обеспечения Латинской Америки остаются пленниками эндемических структурных сбоев, которые «прогрессивные» правители неспособны преодолеть, даже несмотря на возросшую роль государства. В результате не удалось решить проблемы нищеты, неравенства, безработицы, коррупции и др. Иными словами, этот вариант, «ассоциировавшийся на первом этапе с эйфорией успеха, в большинстве случаев не принес устойчивых позитивных результатов, а лидеры этой тенденции оказались в плену политического противоборства, поддались на соблазн быстрых административных решений с упором на этатизацию» (Давыдов, 2016, с. 40—41).

В этой связи возникает вопрос: смогут ли предложения «Корнуоллского консенсуса» способствовать выработке новой модели развития стран Латинской Америки, в которой будет сделана ставка на новый тип «государства социального благосостояния» в противовес исчерпавшей себя неолиберальной концепции?

Сравнительный анализ модели «Вашингтонского консенсуса», принятой большинством латиноамериканских стран, степени ее адаптивности к новым предложениям «Корнуоллского консенсуса», осуществлен авторами с помощью детального наблюдения исторической взаимосвязи развития «консенсусов» с потенциалом стран региона, в том числе со структурной подготовкой последних к модельному переходу.

Теоретические подходы нового либерализма

По мере осознания исчерпания возможностей эффективного использования кейнсианской модели экономического регулирования и социального обеспечения глобальный капитализм пришел к пониманию необходимости ее смены и задался целью реорганизации капиталистической системы в целом в соответствии с либеральными принципами, переработанными для нового исторического периода капитализма. «Новый либерализм» был абсолютно гегемонистской моделью, сумевшей распространиться самым универсальным образом: из Западной Европы — в США, из Латинской

¹ Del Consenso de Washington al Consenso de Cornwall // El Megafono. 30.10.2021. URL: <https://elmegafono.net/15425/> (accessed: 30.10.2021).

Америки — в Китай, из Восточной Европы — в Африку. Несмотря на локальные кризисы неолиберальной политики в 1990-х гг. (в Мексике, Юго-Восточной Азии, России, Бразилии и Аргентине), в отсутствие альтернативного проекта данная модель сохраняла свою гегемонию².

Сторонники неолиберализма выступали против кейнсианской экономической политики, которая наделяет государство ключевой ролью в преодолении кризисов или спадов. Так, австрийский экономист Ф. фон Хайек утверждал, что государственное планирование экономики ведет к тоталитаризму (Хайек, 2005, с. 103). Однако неолиберализм не представляет собой единой доктрины. Он включает в себя различные школы, такие как австрийская школа Ф. фон-Хайека и Л. фон Мизеса, чикагская школа М. Фридмана и виргинская школа Дж. Бьюкенена, причем между ними есть существенные отличия, например, в позициях относительно денежно-кредитной политики. В соответствии с неолиберальными рекомендациями экономическая деятельность должна реализовываться преимущественно частным сектором при одновременном ограничении роли государства в экономике, сокращением его доли в выработке ВВП, устранением ограничений и правил в ведении экономической деятельности и открытием границ для товаров. Однако данная экономическая модель также предполагает повышение процентных ставок и налогов на потребление, снижение налогов на производство, либерализацию и дерегулирование торговли, повышение мобильности капитала и рабочей силы. В результате именно частный сектор несет ответственность за создание богатства³.

² Sader E. ¿Se acabó el neoliberalismo? // *La Jornada*. 29.09.2008. URL: <https://www.jornada.com.mx/2008/09/29/index.php?section=opinion&article=022a1pol> (accessed: 15.06.2021).

³ Lissardy G. Qué es el neoliberalismo, quién lo impulsó y por qué algunos niegan que existe // *BBC News Mundo*. 26.11.2021. URL: https://es.noticias.yahoo.com/neoliberalismo-impuls%C3%B3-niegan-121253072.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLmNvbS8&guce_referrer_sig=AQAAANhgQ6zmMGJuPBr6Fr7aAKkN0reGJbVoJo8J5aT5FfjS4YIZHIP0E1qPLqoLlnon0u_t6Wona6byXf3bL5jvJVVHtTKva80VbV1eKXYEMkKh5iNj5XP30mbwgyYdu1dqVRAzCBFYnD

Целый ряд экономистов и теоретиков на протяжении нескольких десятилетий подвергали критике основные постулаты неолиберализма и реализуемой на его основе политики. В большинстве своем они отмечали, что последствия этой политики скажутся прежде всего на способности государства реализовывать важнейшие социальные программы. Эта проблема отчетливо проявляется в современную эпоху. В этой связи Г. Гереффи еще в 2014 г. отмечал, что «государственное управление стало играть более сильную роль, активно дополняя и усиливая корпоративные кодексы поведения, технологические стандарты и другие добровольные, неправительственные типы частного управления, получившие распространение за последние два десятилетия», что «стимулировало многосторонние инициативы с участием как государственных, так и частных акторов, способствуя решению проблемы коллективного действия» (Gereffi, 2014, p. 29).

Таким образом, основной посыл неолиберализма как альтернативы кейнсианству заключается в стремлении к свободной торговле без вмешательства государства, но с регулирующим центральным банком.

Политика корректировки в Латинской Америке и «Вашингтонский консенсус»

Большинство стран Латинской Америки придерживаются идеалов создания свободного рынка с момента обретения независимости в XIX в. Однако в период с 1920-х по 1980-е гг. политика экономического роста определялась существенным вмешательством государства в рыночные процессы. Оно выступало либо в качестве непосредственного участника, либо регулятора. В основе этой политики лежало стремление защитить местных производителей от иностранной конкуренции и эффективно регулировать внутренний рынок. Общая парадигма почти всех стран региона на данном этапе проявилась в существовании монополии государственных предприятий, контроле над ценами, протекционистских мерах и неэффективном государственном регулировании. Все

B29220wY8_788_qp4q5KwwhGW8b-w7dlp (accessed: 30.10.2021).

это привело к консервации устаревающих отраслей с неэффективным управлением и высоким уровнем задолженности, а 1980-е гг. получили название «потерянного десятилетия»⁴.

Такое развитие событий вдохновило проживавшего в США английского экономиста Дж. Уильямсона на подготовку своих рекомендаций для региона с целью получения им помощи от финансовых учреждений, базирующихся в Вашингтоне. Появлению «Вашингтонского консенсуса» в Латинской Америке во многом способствовало так называемое «чилийское чудо»⁵, хотя трудно точно определить, когда в Латинской Америке начался «неолиберальный» период и большинство латиноамериканских стран начали принимать меры по стимулированию роста в духе «чилийского чуда» при поддержке базирующихся в Вашингтоне международных финансовых институтов.

Сформулированная Дж. Уильямсоном в 1989 г. программа экономических реформ, известная как «Вашингтонский консенсус», включала в себя три основных постулата:

- 1) сведение к минимуму роли государства;
- 2) полная открытость экономики в целях привлечения иностранных инвестиций;
- 3) распределение за счет побочного эффекта богатства, достигнутого преуспевающими предпринимателями⁶.

«Вашингтонский консенсус» содержит известный набор из десяти рекомендаций для стран Латинской Америки с крупной задолженностью и представляет собой пакет рыночных мер, которые легли в основу экономической политики большинства латиноамериканских правительств в 1990-е гг. (Williamson, 1990). Это и предопределило изменение роли государства и произвело маятниковый сдвиг от интервенционизма к периоду, когда госу-

дарство в основном отсутствовало на рынках. При этом данное изменение было реализовано без какого-либо переходного периода.

На практике применение и интерпретация этих рекомендаций в большинстве латиноамериканских стран отличались существенным разнообразием и были крайне непоследовательными. Как следствие, к концу XX в. возросло разочарование населения в модели развития региона и распределении богатства, что привело к ощущению провала политики «Вашингтонского консенсуса» (Стиглиц, 1998). С тех пор способы, которыми различные страны реализуют свои «альтернативные модели», значительно варьируются в каждом конкретном случае. Хотя общую закономерность, отмеченную в «антинеолиберализме», можно найти в риторике, на практике этого единообразия не существует.

Одной из подобных альтернатив «Вашингтонскому консенсусу» стал так называемый «Пекинский консенсус», под которым понимается собственно китайская модель развития. Ее анализу посвящены многочисленные работы зарубежных и российских китаеведов (Баженова, 2009; Бергер, 2009; Гельбрас, 2009; Виноградов и др., 2018). Еще в 2004 г. Дж. К. Рамо выдвинул идею «Пекинского консенсуса» в качестве возможной исторически значимой альтернативы «Вашингтонскому», отметив привлекательность китайского опыта модернизации, в котором учитывались интересы основной массы населения и удавалось избегать высоких социальных издержек (Ramo, 2004). По мнению исследователя, «Пекинский консенсус» — это модель, позволяющая определить достойное место в мире развивающейся стране (Виноградов и др., 2018, с. 19). Хотя ряд авторов видели в «Пекинском консенсусе» альтернативу западной формуле как результат критики неолиберализма и обнаружившихся проблем в реализации американской модели развития (Борох, Ломанов, 2005), некоторые эксперты характеризовали обе модели как неолиберальные (Лопатина, 2010). На неолиберальные корни китайской модели в 2010 г. обратил внимание китайский экономист Ю Уэнли, заметив, что «неолиберальная трансформация государства под руководством КПК привела к обострению социально-экономических проблем в КНР» (Ren, 2010, p. 113).

⁴ Peña J. Las políticas de competencia en América Latina post-Consenso de Washington // CeCo. Marzo de 2021. URL: <https://centrocompetencia.com/wp-content/uploads/2021/03/Julian-Pena.pdf> (accessed: 30.10.2021).

⁵ Vallejo V. El Chile de Pinochet y los Chicago boys: El milagro del que poco se habla // PanAm Post. 26.09.2020. URL: <https://es.panampost.com/author/vanessa-araujo/> (accessed: 17.05.2021).

⁶ Fernando Guzmán R. El nuevo Consenso de Cornwall // El Nuevo Siglo. 18.10.2021. URL: <https://www.elnuevosiglo.com.co/articulos/10-18-2021-el-nuevo-consenso-de-cornwall> (accessed: 30.10.2021).

Таким образом, для многих исследователей противопоставление «Пекинского» и «Вашингтонского» консенсусов было в известной мере условно: «Пекинский консенсус» является дополнением «Вашингтонского консенсуса», который определяет необходимые условия для функционирования системы рыночной экономики, в то время как в «Пекинском консенсусе» уделено больше внимания созданию системы институтов (Виноградов и др., 2018, с. 21).

Еще одну альтернативу «Вашингтонскому консенсусу» представляет «Делийский консенсус», а именно индийская модель либерализации экономики. По мнению Н.В. Галищевой, индийский «план действий» по преобразованию национальной экономической системы, который стал выкристаллизовываться с начала 1990-х гг., в настоящее время все явственнее принимает очертания целостной экономической модели развития. При этом отдельные черты концепции «Делийского консенсуса» в определенной мере перекликаются с «Пекинским консенсусом». В обеих моделях предполагаются заимствование и внедрение некоторых либеральных рецептов «Вашингтонского консенсуса» с учетом национальной специфики при определении темпов, сроков и методов проведения экономических преобразований (Галищева, 2014, с. 5).

Таким образом, появление и распространение различных альтернатив «Вашингтонскому консенсусу» явилось следствием того, что в большинстве стран, следовавших его постулатам, в том числе и в Латинской Америке, на смену общему пониманию модели развития пришло ощущение провала политики «Вашингтонского консенсуса» как инструмента решения экономических проблем.

«Корнуоллский консенсус» и новая роль государства

«Корнуоллский консенсус» может быть отнесен к новой экономической парадигме, которая претендует стать доминирующей в глобальных дебатах в течение ближайших десятилетий и которой могут соответствовать и придерживаться крупнейшие экономики мира.

Хотя за 40 лет странам Латинской Америки удалось добиться восстановления темпов экономического роста в результате

применения рекомендаций «Вашингтонского консенсуса», этот рост был неравномерным и происходил на фоне экологических вызовов и необходимости реализации целей устойчивого развития. Проблемы этой модели проявились уже в период мирового финансового кризиса 2008 г., но более наглядно в 2020 г., в связи с началом пандемии COVID-19, которая высветила ограниченность возможностей частного и государственного секторов в реагировании на неотложные экономические, социальные и экологические проблемы⁷.

В июне 2021 г. обсуждению этой сложной ситуации был посвящен саммит стран Группы семи в Корнуолле. Независимые эксперты, заинтересованные в поиске альтернативных моделей развития, опубликовали заключительный доклад на тему «Глобальная экономическая устойчивость: двигаться вперед, создавая лучшее⁸. В октябре 2021 г. на заседании Группы 20 (G20) тезисы доклада легли в основу нового государственно-частного соглашения — «Корнуоллского консенсуса», который предлагает разворот в экономической парадигме с целью преодоления догматов «Вашингтонского консенсуса»⁹.

На саммите G20 были определены следующие ключевые проблемы развития на ближайшую перспективу:

- 1) растущее социально-экономическое неравенство;
- 2) хрупкость глобальной экономической системы;
- 3) изменение климата;
- 4) риски нового кризиса в области здравоохранения, такого как пандемия COVID-19¹⁰.

⁷ 2021 G7 Leaders' Communiqué: Our Shared Agenda for Global Action to Build Back Better // European Council. June 13, 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/13/2021-g7-leaders-communicue/> (accessed: 30.10.2021).

⁸ Bet M. G7 Panel Calls for Change in Global Economic Governance Ahead of G20 and Cop 26 // The Independent. October 13, 2021. URL: <https://www.independent.co.uk/business/g7-panel-calls-for-change-in-global-economic-governance-ahead-of-g20-and-cop26-b1937300.html> (accessed: 30.10.2021).

⁹ 2021 G7 Leaders' Communiqué: Our Shared Agenda for Global Action to Build Back Better // European Council. June 13, 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/13/2021-g7-leaders-communicue/> (accessed: 30.10.2021).

¹⁰ 2021 G7 Leaders' Communiqué: Our Shared Agenda for Global Action to Build Back Better // European

Таким образом, «Корнуоллский консенсус» вводит в повестку дня рекомендации по построению более устойчивой экономики, которая базируется на семи составляющих: здравоохранении, торговле, производственно-сбытовых цепочках, изменении климата, цифровой экономике, инвестициях и рынке труда¹¹.

«Корнуоллский консенсус» также направлен на переосмысление взаимоотношений между государственным и частным секторами в целях создания справедливой и устойчивой экономики. В нем предпринимается попытка установить общие линии по активизации роли государства в решении социальных, экологических и медицинских проблем. Консенсус направлен на определение руководящих принципов, которым страны будут следовать в долгосрочной перспективе и которые, вероятно, определяют парадигму глобальной экономики на ближайшие десятилетия.

Цели, предложенные «Корнуоллским консенсусом», сосредоточены на возобновлении «глобального общественного договора», а также восстановлении мира после пандемии. В отличие от прошлых государственных интервенций этот консенсус призывает к активному созданию рынков для зеленой экономики и экономики знаний. Можно привести семь рекомендаций по государственному вмешательству, представленных G7:

1) констатируется важность сферы здравоохранения, где в краткосрочной перспективе страны должны гарантировать справедливость в вакцинации;

2) государствам необходимо интенсивно инвестировать в сокращение выбросов углерода посредством трансформации промышленности. Инвестиции в инновации призваны стать способом сокращения выбросов, а не решения проблемы загрязнения *post factum*;

3) государства будут совершенствовать цифровое управление в сфере безопасности и борьбу с крупными цифровыми монополиями. Страны также проработают общий способ решения проблемы криптоактивов;

Council. June 13, 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/13/2021-g7-leaders-communicue/> (accessed: 30.10.2021).

¹¹ Espinosa Villarreal Ó. Del Consenso de Washington, al de Cornwall: ¿Ahora sí? // Cronica. 20.10.2021. URL: <https://www.cronica.com.mx/opinion/consenso-washington-cornwall.html> (accessed: 30.10.2021).

4) G7 будет стремиться к большей открытости за счет снижения административных барьеров, которые страны используют в протекционистских целях. Открытость торговли будет по-прежнему иметь решающее значение для реализации экономических задач будущего;

5) что касается инвестиций, то существует глобальное соглашение об увеличении государственных инвестиционных расходов, ориентировочно не менее чем на 2 % национального ВВП;

6) признавая, что на международных рынках есть проигравшие, констатируется необходимость перейти к подходу, который заменяет перераспределение предварительным распределением. Кроме того, в течение последних десятилетий различные группы населения были вытеснены с рынков труда, особенно женщины, поэтому странам необходимо работать над их реинтеграцией;

7) укрепление глобальных цепочек создания стоимости и их диверсификация является целью, которая стала очевидной в связи с нехваткой чипов и инфляцией, вызванной восстановлением спроса на сырье. Это укрепит глобальную торговлю, обеспечив непрерывность мировой торговли¹².

М. Маццукато, директор Института инноваций и общественных целей при Университетском колледже Лондона и член группы, подготовившей доклад, поднимает вопрос о необходимости отказа от «Вашингтонского консенсуса», который доминировал на мировой экономической арене в течение последних пяти десятилетий и который подвергся нападкам даже со стороны видных деятелей центральных институтов нелиберальной глобализации «за обострение неравенства и увековечение подчинения стран Глобального Юга странам Севера»¹³.

Некоторые из основных аспектов доклада «Корнуоллский консенсус» посвящены государственным расходам. Указывается, что они

¹² G7 Summit, Cornwall, UK, 11—13 June 2021 // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2021/06/11-13/> (accessed: 30.10.2021).

¹³ Mazzucato M. El Consenso de Cornwall: por un nuevo orden económico mundial // Cronicon: El Observatorio Latinoamericano. 16.10.2021. URL: <https://cronicon.net/wp/el-consenso-de-cornwall-por-un-nuevo-orden-economico-mundial/> (accessed: 03.11.2021).

должны определяться в связке с целями достижения глобальной устойчивости. Кроме того, утверждается, что международные организации, такие как Международный валютный фонд (МВФ), должны изменить условия кредитования, чтобы включить эти условия устойчивости¹⁴.

«Корнуоллский консенсус» предлагает также реактивную коррекцию сбоев рынка, стремится к модификации и созданию рыночных структур для распространения зеленой экономики, что привело бы к замене перераспределения «предраспределением». В этих условиях государство будет координировать партнерские отношения между государственным и частным секторами в целях создания стабильной, устойчивой и справедливой экономики¹⁵.

Три наиболее важные рекомендации доклада связаны с пандемией COVID-19, восстановлением экономики после пандемии и ухудшением климата¹⁶.

Что касается постпандемического восстановления экономики, то утверждается, что для восстановления экономики необходимы большие государственные инвестиции (с учетом рекомендации экономиста Н. Штерна необходимо увеличить эти расходы для развитых стран до 2 % ВВП в год), что составит около 1 трлн долл. США ежегодно¹⁷.

В документе констатируется необходимость эффективного управления, при котором самые богатые страны берут на себя большую часть ответственности за финансирование по ряду важнейших аспектов, в том числе и в области создания знаний, признавая, что они

являются результатом процесса коллективного творчества¹⁸.

С одной стороны, в рамках нового консенсуса декларируется необходимость увеличения количества и качества государственных инвестиций и международных кредитов по сравнению с допандемическими уровнями в целях развития инфраструктуры, увеличения эффективности здравоохранения и производственного сектора, пострадавших за период пандемии. Среди провозглашенных приоритетов — формирование общих ценностей на долгосрочную перспективу, социальная политика, окружающая среда, активизация экономической роли государства в обеспечении промышленной трансформации, а также сокращение выбросов углекислого газа¹⁹.

С другой стороны, акцент делается на продвижении изменений в международной налоговой системе для искоренения налоговых убежищ, улучшения цифровой конкуренции и установления глобальной ставки для корпораций и технологических гигантов (таких, как Amazon и Meta²⁰), в целях реализации их налогообложения на тех рынках, где они реализуют свою продукцию или услуги²¹.

Несомненно, формирующийся консенсус отличается от «Вашингтонского» прежде всего тем, что он не рассматривает глобализацию как неизбежно позитивную силу, которая с открытием рынков, финансов и увеличением доступности товаров и услуг способствует всеобщему процветанию и стабильности.

В целом, бесспорно, рекомендации «Корнуоллского консенсуса» могут послужить основой для построения нового глобального консенсуса, политической повестки для

¹⁴ Un informe del G7 alerta de “retos sistemicos” en la economía global // Swissinfo.ch. 12.10.2021. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/g7-econom%C3%ADa_un-informe-del-g7-alerta-de--retos-sist%C3%A9micos--en-la-econom%C3%ADa-global/47023058 (accessed: 30.10.2021).

¹⁵ G7 Summit, Cornwall, UK, 11—13 June 2021 // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2021/06/11-13/> (accessed: 30.10.2021).

¹⁶ Un informe del G7 alerta de “retos sistemicos” en la economía global // Swissinfo.ch. 12.10.2021. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/g7-econom%C3%ADa_un-informe-del-g7-alerta-de--retos-sist%C3%A9micos--en-la-econom%C3%ADa-global/47023058 (accessed: 30.10.2021).

¹⁷ La economía del cambio climático: el informe Stern // Política Exterior. 11.12.2015. URL: <https://www.politicaexterior.com/articulo/la-economia-del-cambio-climatico-el-informe-stern/> (accessed: 15.11.2021).

¹⁸ Un informe del G7 alerta de “retos sistemicos” en la economía global // Swissinfo.ch. 12.10.2021. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/g7-econom%C3%ADa_un-informe-del-g7-alerta-de--retos-sist%C3%A9micos--en-la-econom%C3%ADa-global/47023058 (accessed: 30.10.2021).

¹⁹ Ibid.

²⁰ 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсетей Instagram и Facebook, принадлежащих Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

²¹ Un informe del G7 alerta de “retos sistemicos” en la economía global // Swissinfo.ch. 12.10.2021. URL: https://www.swissinfo.ch/spa/g7-econom%C3%ADa_un-informe-del-g7-alerta-de--retos-sist%C3%A9micos--en-la-econom%C3%ADa-global/47023058 (accessed: 30.10.2021).

управления новой экономической парадигмой, которая уже начинает формироваться. При этом, как отмечают российские латиноамериканисты, «существенным фактором более широкого доступа ЛКА (Латино-Карибской Америки. — *Прим. авт.*) к механизмам глобального регулирования может стать выдвигание реально выполнимого и привлекательного в международном плане “латиноамериканского проекта” — стратегии социально-экономического прорыва» (Перспектива устойчивого развития..., 2022, с. 430).

Политика «Вашингтонского консенсуса»: некоторые оценки

В первом десятилетии нового века появилось множество признаков, указывающих на определенное исчерпание цикла трансформаций экономической модели в рамках неолиберальной парадигмы. Однако отказ от рекомендаций «Вашингтонского консенсуса» и поиск альтернативных неолиберализму путей не были одинаковыми для стран региона.

С одной стороны, после реформ 1990-х гг. большинство стран модернизировали свою экономику. Прямые иностранные инвестиции носили массивный характер и сопровождались ноу-хау по управлению ими в некоторых ключевых отраслях экономики, что дало возможность существенно повысить технологический уровень стран региона. Почти повсюду наблюдалось расширение государственных услуг и построение инфраструктуры, сделавшей связь между государствами более эффективной за счет расширения границ производственных возможностей.

Некоторые из латиноамериканских стран, несмотря на последствия «кризиса текилы» 1995 г., азиатского кризиса 1997 г., российского дефолта 1998 г., девальвации в Бразилии в 1999 г., североамериканских депрессий и аргентинского кризиса 2001 г., тем не менее продолжали идти по «неолиберальному» пути, в целом с положительными результатами. Такие страны, как Колумбия, Перу, Уругвай, Мексика и Чили, избежали рецессии и удвоили свои усилия по привлечению капитала в качестве основы своего производственного развития, сохраняя некоторые традиционно государственные услуги приватизированными. Так, например, объем прямых иностранных инвестиций в 2001—2016 гг. в указанные страны,

по данным Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), составил в Колумбии 98,374 млрд долл. США, в Перу — 84,878 млрд, в Уругвае — 23,146 млрд, в Мексике — 311,207 млрд долл. США. В то же время страны так называемой группы стран «социализма XXI века» получили значительно меньшие объемы инвестиций: Боливия — 8,899 млрд долл. США, Венесуэла — 16,401 млрд и Эквадор — 10,291 млрд долл. США²².

С другой стороны, в таких странах, как Аргентина, Боливия, Венесуэла или Эквадор, модель, описываемая как «неолиберальная», не дала позитивных результатов, и ими были выбраны другие модели, которые привели к существенной корректировке «Вашингтонского» курса. Эти четыре страны, часто называемые антилиберальными и социалистическими, установив более тесные взаимоотношения внутри группы, выбрали «модель внутреннего развития» и, продвигаясь по пути импортозамещения, приняли целый пакет нормативных актов, предусматривающих значительные объемы субсидий, которые в предыдущей модели носили ограниченный характер²³.

Под влиянием высоких цен на сырье три страны — Венесуэла, Боливия и Эквадор — приступили к реализации мероприятий по осуществлению «восстановительных» процессов в своих экономиках. Формирующаяся модель этих стран основана на компенсационном механизме, поддерживаемом высокими ценами на сырье. Как отмечает П. Стефанони, «при наличии определенных страновых различий этот механизм тем не менее позволил применить схожую антициклическую политику в условиях международного кризиса, и при этом развернуть различные социальные программы»²⁴.

²² CEPALSTAT: Dases de Datos y Publicaciones Estadísticas // CEPALSTAT. 2020. URL: <https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/index.html> (accessed: 03.11.2021).

²³ Stefanoni P. Posneoliberalismo cuesta arriba: Los modelos de Venezuela, Bolivia y Ecuador en debate // Nueva Sociedad. Mayo-Junio de 2012. No. 239. URL: www.nuso.org/articulo/posneoliberalismo-cuesta-arriba-los-modelos-de-venezuela-bolivia-y-ecuador-en-debate (accessed: 25.10.2021).

²⁴ Stefanoni P. Posneoliberalismo cuesta arriba: Los modelos de Venezuela, Bolivia y Ecuador en debate // Nueva Sociedad. Mayo-Junio de 2012. No. 239. URL: www.nuso.org/articulo/posneoliberalismo-cuesta-arriba-

Таким образом, нынешняя модель, существующая в этих трех странах, может быть определена как «сочетание экстрактивизма — с большим государственным присутствием, через процессы национализации и демократизации в распределении сырьевых доходов посредством более или менее институционализированной и стремящейся к универсальности социальной политики» (Draibe & Riesco, 2009, p. 30).

При сравнительном анализе двух альтернативных путей развития, описанных выше, результаты стран, которые следовали «неолиберальному» курсу, и тех, кто отказался от него, представляются схожими. Однако меры по продвижению своих экономик на мировые рынки в тех странах, которые следуют «неолиберальному» курсу, выглядят недостаточными. Эта медлительность препятствует достижению более высоких результатов экономической деятельности и повышению занятости, но по крайней мере первые шаги в этом направлении уже могут быть заметны (Draibe & Riesco, 2009). Опыт многих стран показывает, что в рамках неолиберальной стратегии при отказе государства от вмешательства в экономику в целях обеспечения развития усилились негативные тенденции. Кроме того, при неолиберализме в регионе наблюдался ряд особенностей, которые в совокупности указывают на новые конфигурации, которые сегодня характеризуют латиноамериканские общества. Среди таких конфигураций:

— создание весьма благоприятной среды для компаний и особенно иностранных инвесторов и некоторая внутренняя нестабильность в экономиках, связанная с уровнями задолженности;

— усиление зависимости от внешних финансовых потоков и неизменно скромные темпы роста во многих странах;

— распространение современного образа жизни и дифференцированных социальных услуг, направленных почти исключительно на удовлетворение потребностей формирующегося среднего и высшего классов;

— формирование ценностей по отношению к государству, экономике, свободе, социальной справедливости и более доброжелательных отношений между государством,

экономикой и отдельными людьми (Давыдов, 2016).

Среди исследователей нет единого представления о том, что такое латиноамериканская версия неолиберализма, однако, несмотря на ряд положительных результатов, широко распространено мнение, что она потерпела неудачу. Эта неудача обычно отождествляется в интеллектуальной среде с отходом в реализации политики «Вашингтонского консенсуса» от его догматов и теоретических постулатов некоторых авторов австрийской и чикагской школ, особенно Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека или М. Фридмана. Однако в действительности идеи, которые защищали эти авторы, имеют мало общего или вообще не имеют отношения к экономической политике тех стран, которые считают «экономический либерализм» виновником провала своей экономической политики.

Несомненно, «Вашингтонский консенсус» в целом подвергся критике главным образом за то, что основанная на нем политика не позволила обеспечить справедливый экономический рост в регионе, привела к росту уровня бедности и увеличению социально-экономического неравенства (Стиглиц, 1998; 2003, Stiglitz, 2008). Хотя очень немногие из негативных результатов, полученных в результате политики, предложенной «Вашингтонским консенсусом», объясняются его первоначальной концепцией, речь идет скорее об усеченном осуществлении его постулатов, а то и вообще отказе от них. Фактически структурные факторы латиноамериканских экономик, такие как коррупция, чрезмерные государственные расходы, периодический бюджетный дефицит, задолженность, отсутствие транспарентности и недостатки демократической системы управления и эффективного разделения властей, не согласуются, как представляется, с ортодоксальностью «либерализма»²⁵.

При оценке результатов реализации «Вашингтонского консенсуса» проблема заключается в том, что по прошествии почти 40 лет применения его политических рекомендаций и действия его инструментов можно сделать вывод, что государства, которые систематически

los-modelos-de-venezuela-bolivia-y-ecuador-en-debate (accessed: 25.10.2021).

²⁵ Ravier A. La versión exitosa del neoliberalismo // El Cronista. 22.09.2017. URL: <https://www.cronista.com/columnistas/La-version-exitosa-del-neoliberalismo-20170922-0111.html> (accessed: 30.08.2021).

применяли предложенные меры, такие как Колумбия, Перу и Чили, являются странами, которые росли быстрее других благодаря стабильности и заметному сокращению масштабов бедности. Напротив, те, кто отверг этот «консенсус», в частности Венесуэла и Аргентина, еще далеки от преодоления масштабов бедности. Здесь речь идет о применении рекомендаций «Вашингтонского консенсуса» и их экономических эффектах в решении проблемы структурной бедности. Страны, использовавшие некоторые из этих мер, получили более устойчивые результаты в решении проблемы структурной бедности. В свою очередь «социалистические» страны были сосредоточены на решении проблемы бедности на основе субсидий и трансфертов, возможных благодаря доходам от сырья. В этих странах бедность временно сокращалась за счет перераспределения среди населения высоких доходов от экспорта сырья. Иными словами, бедность, порожденная коррумпированными политиками, неэффективными национальными правительствами, дефицитом бюджета, финансовым кризисом и другими подобными явлениями, не является следствием либеральной экономической политики²⁶.

Очевидно, что в Латинской Америке в латергии экономического и социального развития в последние десятилетия виновата отнюдь не проводимая экономическая (неолиберальная или прогрессивная) политика. Реальность такова, что «государство всеобщего благосостояния» в латиноамериканской версии, движимое этатизмом в двух его вариантах, потерпело неудачу и подходит к концу. В последние три десятилетия своего развития, и особенно в XXI в., все страны Латинской Америки исповедовали принцип государства всеобщего благосостояния (с акцентом на политику в области социального обеспечения). От Мексики до Аргентины все латиноамериканские правительства, правые и левые, проводили политику с акцентом на «социальный» подход²⁷.

²⁶ Malavassi Calvo F. El cuento del modelo “neoliberal”. Biblioteca: Relial politica // Relial. URL: <http://relial.org/uploads/biblioteca/a408e02eebe380248813753bd20dc739.pdf> (accessed: 15.10.2021).

²⁷ Peña Gómez J. El fracaso del estado de bienestar en América Latina // deGerencia.com. 01.10.2018. URL: <https://degerencia.com/articulo/el-fracaso-del-estado-de-bienestar-en-america-latina/> (accessed: 30.08.2021).

Иллюзия действенного «государства всеобщего благосостояния» в Латинской Америке проявляется в том, что политика государственных расходов способствует росту денежной массы, следствием чего становится рост субъективного благополучия населения. Люди потребляют больше, но в долгосрочной перспективе это порождает дефицит бюджета, поскольку государство не покрывает взятые на себя обязательства и вынуждено прибегать к внешнему финансированию, результатом чего становится увеличение государственного долга, и это в лучшем из сценариев. Наиболее сложное положение сложилось в тех странах, где центральный банк не является независимым институтом, так как «сиюминутным решением» проблем становится эмиссия, которая порождает инфляцию и только усугубляет ситуацию. Так, например, обстоит дело в Венесуэле²⁸.

Тогда можно было бы сказать, что в краткосрочной перспективе государство всеобщего благосостояния в Латинской Америке мыслится, независимо от будущего, по логике «Сегодня мы живы, а завтра будь что будет». Длительность существования «государства всеобщего благосостояния» зависит от богатства, накопленного страной, и налогов, которые ей удастся собрать. Однако в любом случае, «государство всеобщего благосостояния» терпит неудачу, несмотря на иллюзию, которую оно может изначально создать. М. Ронхаймер отмечает: «Государство всеобщего благосостояния, потребляющее богатство, также непродуктивно, мешает развитию экономики, когда дело доходит до создания большего богатства... Если бы не безудержное перераспределение и вытекающая из этого государственная задолженность, мы все были бы богаче, включая самых бедных» (Rhonheimer, 2017, p. 51).

На этом фоне появление «Корнуоллского консенсуса» ставит под сомнение роль государства в решении экономических и социальных проблем стран. Несмотря на то, что несколько десятилетий Латинская Америка развивалась по модели государственного капитализма, правительства региона не смогли создать «государство всеобщего благосостояния», которое позволило бы им решать социальные проблемы, но им также не удалось вы-

²⁸ Ibid.

вести регион из экономической стагнации, препятствующей развитию.

Несмотря на новизну целей «Корнуоллского консенсуса», следует задаться вопросом: нужен ли новый консенсус?

Наиболее очевидным ответом, по мнению сторонников нового консенсуса, является то, что предыдущая модель («Вашингтонский консенсус») больше не предоставляет широких выгод населению. К тому же она оказалась катастрофически неспособной эффективно реагировать на большие экономические, экологические и эпидемиологические вызовы нашего времени. Предложения же «Корнуоллского консенсуса» — это амбициозные идеи, которые говорят о «переосмыслении» мира после пандемии: сократить неравенство и повысить налоги на крупные корпорации (а крупные компании больше не рассматриваются как свободные и непривязанные акторы, но как экономики, корреспондирующие с государствами будущего)²⁹.

Влияние реформ, предложенных «Корнуоллским консенсусом», породило инициативы разного порядка и происхождения по всей планете, в том числе и в Латинской Америке. Многие из них стремятся предложить альтернативы, которые заменят либеральную рыночную политику «Вашингтонского консенсуса» и, вероятно, свидетельствуют о его конце. Например, на основе предложений «Корнуоллского консенсуса» латиноамериканскими левыми популистами, связанными с Группой Пуэбла, было сформулировано предложение под названием «Основы солидарной модели развития». В его аналитической части утверждается: «Регион не может вернуться к модели, которую он имел до пандемии, тем более что предыдущая преобладающая модель уже создала очень серьезные структурные проблемы, которые должны быть решены в рамках восстановления»³⁰.

²⁹ Aymerich R. El Consenso de Cornualles // *La Vanguardia*. 13.06.2021. URL: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20210613/7525440/consenso-cornualles.html> (accessed: 23.06.2021).

³⁰ Bases para un Modelo Solidario de Desarrollo Propuesto por el Grupo de Puebla // Grupo de Puebla. 02.12.2021. URL: [https://www.grupodepuebla.org/modelosolidariodedesarrollo/#:~:text=El%20GRUPO%20DE%20PUEBLA%20pretende,iii\)%20una%20nueva%20pol%C3%ADtica%20econ%C3%B3mica%2C](https://www.grupodepuebla.org/modelosolidariodedesarrollo/#:~:text=El%20GRUPO%20DE%20PUEBLA%20pretende,iii)%20una%20nueva%20pol%C3%ADtica%20econ%C3%B3mica%2C) (accessed: 12.01.2022).

Этот документ направлен на создание новой латиноамериканской дорожной карты, которая представляет собой «модель развития солидарности», главными составляющими которой будут:

- 1) поиск равенства как центральной ценности развития и уменьшение глобальной асимметрии;
- 2) поиск ценностей;
- 3) новая экономическая политика, диверсифицированная и основанная на знаниях;
- 4) экологический переход;
- 5) новая демократическая институциональность;
- 6) региональная интеграция³¹.

В предложении Группы Пуэбла говорится, что поиск равенства должен быть основным приоритетом развития наряду с уменьшением региональной асимметрии. Предложение Группы Пуэбла является одной из многочисленных попыток позиционировать альтернативный путь по отношению к модели «Вашингтонского консенсуса», действующей уже более 40 лет.

Наконец, масштабы изменений, предложенных «Корнуоллским консенсусом», и срочность осуществления объявленных мер вызывают больше вопросов, чем ответов. Достаточно ли консенсуса и деклараций такого рода для укрепления солидарности и реформирования глобального управления для всеобщего блага? Конечно, нет. Тем не менее они представляют собой символы, которые предвещают изменения.

Заключение

Несмотря на жесткие меры «Вашингтонского консенсуса», в последние годы наблюдается усиление присутствия государства на рынках большинства стран Латинской Америки. Разница заключается в степени возврата к этому государственному интервенционизму. Лишь в некоторых случаях данный поворот носил более радикальный характер, в то время как чаще всего эти изменения были постепенными. Наиболее широкое участие государства в рынках наблюдается на континенте в последние два десятилетия. В большей степени это стало следствием пандемии COVID-19 в результате применения контроля над ценами и

³¹ Ibid.

широкого государственного вмешательства в регулирование социальных услуг. Другими словами, в большей части стран региона стремление к развитию по-прежнему стимулируется частным сектором, но под значительным государственным контролем.

Альтернатива, выдвинутая под влиянием «Корнуоллского консенсуса», признающего ограничения рыночного фундаментализма и их неустойчивость, которая проявилась еще до пандемии, дала начало дискуссии о необходимости «нового общественного договора» для нового глобального экономического и социального управления. Несомненно, тезисы, содержащиеся в документе Группы семи «Глобальная экономическая устойчивость: продвижение к лучшему», состоящие в том, что главные экономики должны призвать страны мира к сотрудничеству для достижения социальных целей, укреплению международной солидарности и реформированию мирового управления в интересах общего блага, являются беспрецедентным прогрессом.

Мы стали свидетелями того, что правительства G7 и основные европейские экономики берут на себя ответственность и лидерство в борьбе за глобальное структурирование новой формы управления. Они признают, что государство должно взять на себя ведущую роль и организовать усилия других участников экономики: государственного сектора, частного предпринимательства, социальных и профсоюзных организаций, научных кругов и простых граждан³².

При этом, как мы видим, реакция латиноамериканских стран на новое предложение, содержащееся в «Корнуоллском консенсусе», различна и варьируется от сдержанно позитивных ожиданий стран, которые ориентиро-

ваны на рыночные действия с сильными государственными стимулами, до вполне восторженных ожиданий «левых», намеренных найти новое знамя борьбы в «государственных предложениях «Корнуоллского консенсуса», несмотря на то, что они были сформулированы элитой мирового капитализма.

На данный момент трудно предсказать, будет ли снова в регионе сформирован консенсус по поводу того, какой должна быть парадигма государственного вмешательства в экономику. Ясно одно, что нынешний международный и региональный контексты сильно затрудняют возвращение к общей парадигме, подобной той, которая существовала в прошлом.

Хотя регион частично отказывался от некоторых постулатов «Вашингтонского консенсуса», нельзя сказать, что они перестали существовать. В одних случаях эффективная политика была новаторской, а в других — адаптированной к новой реальности мировой экономики. Так или иначе поиск новой парадигмы государственного вмешательства в процесс рыночного регулирования займет некоторое время, прежде чем она будет взята на вооружение какой-либо из латиноамериканских стран, поскольку большинство государств региона, которые следуют постнеолиберальным путем, продолжают сталкиваться с проблемой рентной зависимости. Поэтому для стран, стремящихся выбраться из подобной «ловушки», встает задача сократить долю добывающего сектора, сырьевых и агроэкспортеров и разработать меры по стимулированию научно-технических инноваций.

В конечном итоге, по нашему мнению, все будет зависеть от способности правящих элит региона разглядеть и укрепить существующую взаимосвязь между экономическим ростом и демократией, используя возможности, предоставляемые новым «Корнуоллским консенсусом».

Поступила в редакцию / Received: 18.01.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 24.05.2022
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2022

Библиографический список

Ананьин О. И., Хаиткулов Р. Г., Шестаков Д. Е. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15—27.

- Баженова Е. С.* 30 лет реформ в КНР: итоги, проблемы, перспективы // *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 2. С. 41—49.
- Бергер Я. М.* Китайская модель развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9. С. 71—81.
- Борох О. Н., Ломанов А. В.* Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // *Pro et Contra*. 2005. № 3. С. 20—39.
- Виноградов А. В., Дегтерев Д. А., Спирина Д. В., Трусова А. А.* «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 17—28.
- Галищева Н. В.* «Делийский консенсус» — индийская модель либерализации экономики // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 3. С. 2—8.
- Гельбрас В.* Тридцатилетие эпохи «реформ и открытости» в Китае // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 6. С. 73—83.
- Давыдов В. М.* Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сопряжение глобальной и региональной проблематики. Москва : ИЛА РАН, 2016.
- Дегтерев Д. А.* Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 4. С. 113—122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>
- Лопатина А. Н.* От «Вашингтонского консенсуса» к «Пекинскому» // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2010. № 9. С. 59—71.
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям / под общ. ред. В. М. Давыдова. Москва : Весь мир, 2022.
- Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. Москва : Мысль, 2003.
- Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // *Вопросы экономики*. 1998. № 8. С. 4—34.
- Хайек Ф. А. фон.* Дорога к рабству. Москва : Новое издательство, 2005.
- Draibe S. M., Riesco M.* El Estado de bienestar social en América Latina: Una nueva estrategia de desarrollo // *Fundación Carolina. Documento de Trabajo*. 2009. No. 31. P. 1—123. URL: <https://www.fundacioncarolina.es/wp-content/uploads/2014/08/DT31.pdf> (accessed: 03.12.2021).
- Gereffi G.* Global Value Chains in a Post-Washington Consensus World // *Review of International Political Economy*. 2014. Vol. 21, no. 1. P. 9—37. <https://doi.org/10.1080/09692290.2012.756414>
- Postdevelopment in Practice. Alternatives, Economies, Ontologies / ed. by E. Klein, C. E. Morreo. London : Routledge, 2019.
- Ramo J. C.* The Beijing Consensus. London : The Foreign Policy Center, 2004.
- Ren H.* The Neoliberal State and Risk Society: The Chinese State and the Middle Class // *Telos*. 2010. Vol. 2010, no. 151. P. 105—128. <https://doi.org/10.3817/0610151105>
- Rhonheimer M.* Libertad económica, capitalismo y ética cristiana. Madrid : Unión Editorial, 2017.
- Stiglitz J. E.* Is There a Post-Washington Consensus Consensus? // *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance* / ed. by N. Serra, J. E. Stiglitz. New York : Oxford University Press, 2008. P. 41—56. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199534081.003.0004>
- Williamson J.* Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington, D.C. : Institute for International Economics, 1990.

Сведения об авторах: *Мосейкин Юрий Никитович* — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой национальной экономики, декан экономического факультета Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-1285-1473; e-mail: moseykin-yun@rudn.ru
Охеда Кальюни Элвис — кандидат экономических наук, приглашенный профессор Технического университета Оуро; ORCID: 0000-0003-0829-1298; e-mail: eojeda@mail.ru
Мосейкина Марина Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9279-4079; e-mail: moseykina-mn@rudn.ru